

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И БЕЛАРУСИ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Межевич Алексей Николаевич¹,
Приходько Александр Александрович²

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург (аспирант)

E-mail: ya@amezhevich.ru

² Институт мировой экономики и международных отношений РАН, г. Москва (аспирант)

E-mail: prikhodko.al.al@imemo.ru

***Аннотация.** В настоящей статье рассмотрен процесс строительства Союзного государства России и Беларуси в контексте дезинтеграционных процессов в постсоветском регионе и интеграционных усилий отдельных стран СНГ. Рассмотрена практика взаимодействия России и Беларуси в рамках Союзного государства в оптике европейского опыта разнотемпной интеграции и региональных экономических дисбалансов с учётом особенностей кратогенеза в постсоветских странах. Дана оценка значимости фактора пространственного управления территориями для российско-белорусской интеграции в условиях прокси-войны со странами Запада. В тексте предложены варианты межрегионального взаимодействия России и Беларуси как инструмент усиления связанности двух стран в рамках Союзного государства как ведущего интеграционного объединения на постсоветском пространстве.*

***Ключевые слова:** Союзное государство, постсоветское пространство, разнотемпная интеграция в СНГ, пространственное развитие, межрегиональное взаимодействие.*

INTERREGIONAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND BELARUS AS A FACTOR IN STRENGTHENING THE UNION STATE

Mezhevich Alexey¹, Prikhodko Alexander²

¹ St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg (postgraduate student)

² Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences Moscow (postgraduate student)

***Abstract.** This article examines the process of building the Union State of Russia and Belarus in the context of the disintegration processes in the post-Soviet region and the integration efforts of individual CIS countries. The article considers the practice of interaction between Russia and Belarus within the framework of the Union State in the optics of the European experience of multi-speed integration and regional economic imbalances, taking into account the peculiarities of cratogenesis in post-Soviet countries. The importance of the factor of spatial management of territories for Russian-Belarusian integration in the context of a proxy war with Western countries is assessed. The text suggests options for interregional cooperation between Russia and Belarus as a tool to strengthen*

the connectivity of the two countries within the framework of the Union State as the leading integration association in the post-Soviet space.

Keywords: *Union State, post-Soviet space, diverse integration in the CIS, spatial development, interregional interaction.*

Понятие «интеграция» происходит от латинского «*integratio*», что дословно переводится как «воссоединение, восполнение». Применительно к сфере межгосударственных отношений оно означает добровольное и взаимовыгодное объединение отдельных частей (субъектов) в некую самостоятельную целостность (общность). Представляется возможным отталкиваться от классического определения, данного профессором, членом-корреспондентом О.В. Буториной: «В рамках неофункционализма интеграция – коллективное средство решения практических задач. При этом национальные власти могут делегировать органам союза исполнительные полномочия, но не суверенитет. Население, видя полезность союзных институтов, признаёт их и проявляет к ним лояльность» [3].

В мировой истории процессы интеграции, как, впрочем, и дезинтеграции идут постоянно. Они принимают разные формы, строятся на разных принципах, но стремление к поиску своего места в мире через систему союзов – характерный признак человеческого общества эпохи существования государств. Это связано с тем, что ключевое свойство глобальной экономики последних 25 лет: «в реальном времени работает как единое целое в мировом пространстве, все равно, касается ли это капитала, менеджмента, труда, технологии, информации или рынков» [13, с. 3].

Российская Федерация, Республика Беларусь строили модель национальной экономики именно под этот формат глобальной экономики. Логика глобализации предполагала то, что правила и нормы должны быть относительно справедливы и достаточно стабильны [16, с. 23]. Этого не произошло.

Остановимся на важном вопросе – проблеме разноуровневой и разноскоростной интеграции. Отметим, что сама проблема была выявлена и теоретически конституирована в Европе, но весьма актуальна для постсоветского пространства и Союзного государства. «Логика «многоскоростной» интеграции можно охарактеризовать так: государства «ядра» углубляют интеграцию между собой, усиливают переговорную позицию в отношениях с неприсоединившимися странами и таким образом подталкивают / принуждают другие государства к присоединению» [1, с. 5].

Появление в конце 90-х годов XX века в интеграционных процессах на постсоветском пространстве принципа разноуровневой и разноскоростной интеграции обусловлено комплексом причин, включающих растущую экономическую дифференциацию государств региона и неготовность правящих кругов

стран СНГ к участию в интеграционных проектах высокого уровня. Однако со временем обнаружилось, что понятие равноуровневой и разносторонней интеграции в большей степени связано с возможностями основного инициатора интеграционных проектов в регионе – России, использовать свой экономический потенциал, ресурсы и преимущества самого крупного и емкого рынка в СНГ для привлечения к интеграции новых партнеров. В то же время, равноуровневая и разносторонняя интеграция демонстрировала то, что процессы интеграции на постсоветском пространстве не приобрели достаточной динамики и не стали всеохватывающими.

Здесь следует сделать одно отступление. Зададимся вопросом, а всегда ли скорость важнее устойчивости? Как подчеркивал П. Жербэ, «одним из основных импульсов к объединению Европы послужило признание слабости по отношению к внешнему миру... Когда Европа почувствовала угрозу извне, необходимость европейского единения стала очевидной» [14, с. 31]. Несколько позже Доминик Стросс-Кан отметил, что перед политическими лидерами европейских стран стоит очевидный, хотя и непростой выбор: «Нам необходимо либо завершить уже начатое, либо смиренно объяснить народам, что мы ошиблись, и ожидать их вердикта на всенародном референдуме» [17], это было настолько верно, что стоило ему карьеры.

Фактором определенного ослабления Европейского союза становится то, что членство в ЕС уже является не финалом интеграционных устремлений той или иной страны на Запад, а лишь промежуточным этапом на ее пути к главной цели – вступлению в НАТО. Подписание Украиной, Грузией и Молдавией соглашений об ассоциации с ЕС было представлено как событие сугубо экономическое, однако на деле оказалось одним из скрытых способов расширения НАТО: втягивание государств в военно-политическое сотрудничество с Североатлантическим альянсом формально ведется через сближение с ЕС. По понятным причинам это невозможная перспектива для России и Беларуси.

Политика Европы и особенно Восточной Европы – это демонстрация собственного упадка, который был бы менее острым, если бы не было столь демонстративным. В момент качественного ослабления СССР (1989-1991 гг.) Европа, от Западного Берлина и далее, могла демонстрировать такие стандарты жизни, которые действительно были неотразимо привлекательны для жителей нашей страны. С другой стороны, жизнь в Китае или Турции была далека от привлекательности даже для «челноков», постепенно осваивающих эти рынки. За прошедшие десятилетия ситуация «на местах» изменилась качественно, а вот в информационном плане изменения оказались существенно скромнее. Азия еще не приобрела в глазах россиян адекватный своим возможностям имидж [15].

Чем больше проходит времени с большого расширения ЕС в 2004 г., тем больше свидетельств того, что именно в тот год закончилась одна эпоха в истории европейской интеграции и началась вторая. Первая, по сути, была западно-европейской и успешной, вторую, с некоторой долей условности, можно назвать восточно-европейской и ее успешность под большим вопросом. ЕС-12 (с 1995 г. ЕС-15) и ЕС-27 – это качественно различные интеграционные объединения. При всей обоснованности новых стратегических программ углубления и расширения интеграции, принятых в начале 1990-х годов, масштабы последствий этого решения и качественных изменений в Евросоюзе не были осмыслены так, как они того заслуживали. Их недооценили, вероятно, по той причине, что в политических «верхах» государств-членов ЕС, прежде всего еврограндов, царила полная уверенность в своих силах, в непреложной привлекательности европроекта и в конечном успехе.

ЕС, действительно достигнув высокого уровня сплочения, мог бы заняться оптимизацией достигнутого, но вместо этого увлекся политикой расширения, соседства и пр. При непомерно раздувшихся амбициях практически не было средств на масштабные геополитические проекты, и совсем не было адекватного политического анализа.

Как отмечал Директор Института Европы РАН Громько Ал.А.: «Европейский континент вновь расколот и охвачен ожесточённым противостоянием. Ведёт ли это к разрушительному регрессу в его развитии, такова ли плата за адаптацию к миру полицентризма, сбудется ли давнее пророчество о «закате Европы» во всей его полноте – предстоит узнать в ближайшие годы» [4, с. 12]. За полтора года, прошедшие со дня выхода книги, степень пессимизма в отношении европейской интеграции несколько возросла.

***

Вернемся к постсоветской интеграции и ее белорусскому кейсу. Долгое время вопрос о том, какие тенденции окажутся сильнее (интеграционные или дезинтеграционные), был главным. Большинство отечественных исследователей сходятся во мнении, что дезинтеграционные процессы преобладают. Вместе с тем, дезинтеграция оказалась нелинейной, поскольку интеграционные усилия присутствуют в той или иной форме на большей части бывшего СССР. Дезинтеграция, фиксируемая три десятилетия, просуществует еще как минимум столько же. В ряде случаев «постсоветскость» не сразу видна и требует внимательного исследователя.

По нашему мнению, существует как минимум три точки зрения на понятие «постсоветское пространство».

1. Никакого «постсоветского пространства» нет. Перед нами независимые и суверенные страны, действительно, некогда входившие в одно государство, а ныне свободные в выборе вектора экономической и политической интеграции, обладающие полным суверенитетом. Никаких иных оснований, кроме «эпизода» в истории, их не объединяет. Сторонники этой позиции игнорируют то обстоятельство, что в мире существует значительное количество регионов и неформальных общностей, выделяемых как по историческому, так и по языковому, культурному признаку. Именно эти политики и эксперты, а priori восхищаются Британским Содружеством наций, но не допускают даже терминологического единства между Беларусью и Россией. С академической точки зрения это означает отсутствие необходимости разворачивать самостоятельное направление исследований. Впрочем, многочисленные издания, посвященные постсоветскому пространству и издающиеся от Варшавы до Вашингтона, говорят о некоторой непоследовательности сторонников данного подхода.

2. Длительное сосуществование в составе единой страны обусловило наличие общих тенденций развития, схожесть экономических, общественных и культурных моделей. Это не отрицает разновекторность современных тенденций их развития. Постсоветские государства, несмотря на очевидную национальную специфику, имеют много общих черт, а также ряд общих проблем, связанных со становлением и укреплением государственности. При этом сохраняется комплекс общих ценностей, норм, установок, определяющих содержание и направленность современного развития. При этом понятие «постсоветское пространство» ассоциируется с продолжительным, но заканчивающимся транзитным переходом. Такой подход возможен, но оставляет без ответа главный вопрос. Что произойдет, к примеру, с Беларусью или Россией как объектом исследования после того, как авторитетный синклит международных и регионоведов признает транзит завершенным?

3. Постсоветское пространство признано объективным фактором. При этом не отрицаются значительные изменения в экономике, политике и идеологии, которые произошли за 30 лет.

Постсоветское пространство объективно существует даже там, где оно отрицается де-юре. Теснейшая связь с советским прошлым заставила Литву внести в конституцию тезис о законодательном запрещении постсоветской интеграции, но это говорит как раз об обратном – советском мышлении, развернутом «в обратную сторону».

Политический класс постсоветских стран институционализирован в форме номенклатуры, но при этом преобладает не многопартийность, а

квазипартийность. Фактически на постсоветском пространстве правит номенклатура не в традиционном значении, но с учетом дополнительной коннотации, лишенной политической оценки, но с управленческим смыслом. Аналогичным образом маскировка происходит в экономике, идеологии. «Новые формы» представляют собой примеры постсоветского наследия, адаптированные под политические и экономические стандарты Запада, Востока или Юга. Именно поэтому постсоветская общность будет являться значимым объектом исследования на протяжении многих десятилетий.

Мы предполагаем множественность и вариативность политических пространств, что позволяет видеть любую страну постсоветского пространства одновременно как часть нескольких регионов, к примеру, постсоветского, европейского или паназиатского пространства. С академической точки зрения, это позволяет рассматривать постсоветское пространство как пересечение международных регионов, и, соответственно, настраивать процессы управления.

После распада СССР новые независимые государства почти сразу же приступили к формированию собственных национальных стратегий социально-экономического развития. Разрыв межреспубликанских связей существенно ухудшил экономическое положение всех без исключения республик бывшего СССР. Спад производства в некоторых отраслях, которые являлись частью единого народнохозяйственного комплекса СССР, достигал 80%. Общей для всех проблемой была острая нехватка ресурсов для модернизации экономики и осуществления рыночных реформ. Однако к концу 90-х годов ситуация стала меняться в сторону большего учета экономических факторов. Разрушенные связи начали восстанавливаться на новой основе, хотя и в меньших масштабах. Наиболее динамично развиваются международные связи республик СНГ со странами дальнего зарубежья, из которых они получают товары, финансовые ресурсы и оборудование для ускоренного развития национальных хозяйств.

Характерной чертой отношений внутри СНГ стали действия, когда попытки перескочить через этапы интеграционного развития чередуются с «откатами» в намечаемых целях. СНГ оказался во многом искусственной формой объединения без своей концепции, четких функций, с непродуманным механизмом взаимодействия стран-участниц. Почти все подписанные договоры и соглашения носят декларативный, а в лучшем случае рекомендательный характер. Масштабные реинтеграционные проекты оставались на бумаге. Длительное время в официальных заявлениях по существу желаемое выдавалось за действительное. Нередко договоренности об углублении сотрудничества сопровождались противоречащими им действиями. Самое нелогичное с позиций синтеза экономической и политической теории – это стремление к обеспечению реального суверенитета

в состоянии качественного, а не только количественного, экономического спада. Именно так происходило в 1990-1991 году [7, с. 54].

Однако для постсоветского пространства понимание этого тезиса оказалось не столь очевидным. Интеграционная тенденция непропорциональна и на постсоветском пространстве слаба. Не случайно один из ведущих исследователей постсоветского пространства А.Г. Пылин ввел термин «активизация формальной евразийской интеграции» [9, с. 129]. Этот термин применим и к российско-белорусской интеграции.

Некоторая «медлительность» российско-белорусской интеграции имеет не только определенные внутренние, практические причины, но и теоретическое измерение, вытекающее из анализа европейских практик. ЕС в одностороннем порядке достаточно демонстративно отказал Беларуси и России от участия в европейской интеграции. «Россия оказалась в изоляции от интеграционных процессов, охвативших европейский континент. Развернувшееся после окончания холодной войны строительство «общеευропейского дома» идет без участия России. Европа консолидируется под флагом Европейского союза. По существу, понятия Европа и ЕС становятся синонимами» [10, с. 270]. При этом в отношении России и Беларуси четверть века действуют «пакеты» различных санкций. Это связано с тем, что Союзное государство представляет собой как серьезного конкурента, так и значимого потенциального противника для Европейского Союза. С другой стороны, будучи конкурентами, экономики стран Союзного государства и Европейского союза были взаимодополняемы на протяжении десятилетий, что способствовало взаимовыгодному сосуществованию, а потому можно констатировать, что объективных экономических предпосылок для разрыва отношений ЕС и Союзного государства не было. Все нынешние торговые ограничения носят политический и односторонний характер.

Пространственная структура экономики России и Беларуси всегда, особенно на современном этапе, характеризуется географической неоднородностью. В качестве аксиомы укажем на то, по мере движения от первобытной экономики к индустриальной и постиндустриальной пространственная неоднородность объективно усиливается. Это предполагает признание значения региональных аспектов экономического развития. Таким образом, к закономерностям пространственного экономического развития относится его постоянное совершенствование с учетом конкретных задач развития общества. Территория в качестве развивающейся динамической системы включает три основных компонента.

Во-первых, управление территорий во всех государствах – это основа организации государственной власти. Сразу же укажем на то, что это справедливо и для федеративного государства (Россия), и для унитарного (Беларусь). Представительные и исполнительные органы власти организованы территориально,

то есть на общегосударственном уровне: в российских областях – субъектах федерации; в белорусских областях – частях унитарного государства. На местном уровне территориальное управление организовано в районах, городах и населенных пунктах.

Во-вторых, территория представляет собой весьма важный экономический фактор. Она включает объекты, осуществляющие решающие производственные процессы, все большее значение приобретает ее функция в развитии инфраструктуры.

В-третьих, территория – это важная база развития социальных отношений между людьми. Здесь соединяются производственная деятельность людей и удовлетворение ими своих материальных, культурных, социальных и других общественных потребностей.

В-четвертых, особые экономические условия, связанные с разрывом хозяйственных связей с Западом, требуют предельной эффективности внутреннего рынка всего Союзного государства. При этом новые задачи не могут отменить того, что в России было всегда: территории качественно различаются по уровню своего экономического развития и, соответственно, финансовым ресурсам, поэтому государство в той или иной степени вынуждено заниматься выравниванием возможностей территорий по финансированию социальных расходов. Пространственные различия в Беларуси существенно меньше, но при меньших географических размерах. Говоря о белорусско-российской интеграции, необходимо согласиться с точкой зрения российского аналитика В. Буянова, что следует учитывать такие факторы, как «язык (любой белорус понимает русскую речь), культура и религия, во многом сохранившиеся со времен СССР экономические связи, очень близкий менталитет и взаимное глубокое уважение народов» [2].

Таким образом, можно сказать, что необходимость и возможность выделения региональной политики как особого вида пространственного управления экономики базируется на законах развития общественного производства как в условиях социалистической системы управления экономикой, так и в условиях рынка. В социалистической практике хозяйствования присутствовали специфические сферы, эффективное управление которыми возможно только по территориальной линии. Региональная политика еще при социализме стала специфическим механизмом реализации требований объективных законов общественного развития, отношений собственности, общественных интересов. В российской и белорусской экономических моделях при всех различиях сохраняется влияние прежней советской экономической системы. Это и есть «эффект колеи» или «зависимость от предшествующего пути».

Этот момент, безусловно, сказался на сотрудничестве России и Беларуси. При этом вектор интеграции изначально рассматривался в России и Беларуси как возможный и привлекательный. В этом, вероятно, уникальность российско-белорусской интеграции. Исторически оправданным стало решение о последовательной интеграции: «в своей интеграции РФ и РБ ранее сделали ставку не на скорость, а на вызревание предпосылок для реального объединения» [11, с. 4]. Сегодня Союзное государство России и Беларуси это экономический, политический, а также военный союз. «Как никогда востребованы их потенциал и способность смягчить внутренние и внешние негативные факторы в развитии государств-членов, необходимость доказать свою востребованность и эффективность для участвующих в интеграции народов» [5, с. 10].

Соседствующее положение регионов России и Беларуси создает возможности для приграничного экономического сотрудничества. В послевоенной Европе этот теоретический подход активно реализовывался на практике. При этом приграничное сотрудничество не является самоцелью, но позволяет достаточно оперативно компенсировать периферийность государственных и муниципальных образований. Более того, в пределах западного периметра российских границ, равно как и восточных границ Беларуси внешнее влияние на экономическое развитие территорий может оказываться преобладающим [6].

Стратегический курс на выравнивание развития различных регионов России и Беларуси нуждается в формулировании приоритетов и принципов этого процесса. Важно определение естественных стратегий развития регионов и их интеграция в целостные межрегиональные программы развития, а не попытка локальных регионов создавать производства, которые в стратегической перспективе столкнутся с отсутствием рабочей силы, негативной конъюнктурой рынков, технологическим устареванием [12]. Необходимо не столько выравнивание, сколько реорганизация структуры хозяйства депрессивных регионов, содействие миграции рабочей силы в зоны нового освоения.

Ключевое значение имеет соотнесение экономических приоритетов с военно-стратегическими, которые могут потребовать усиления присутствия в регионах, с экономической точки зрения представляющихся малоперспективными. Ведущей задачей государства в процессе выравнивания социально-экономического развития на данном этапе должно стать не приведение всех территорий к одному уровню и качеству жизни, а снижение граничных перепадов на межрайонном, межрегиональном и межокружном уровнях.

Литература

1. Алишаускас Р., Вильпишаускас Р., Дамбраускайте Ж., Касчюнас Л., Кирилэ В., Левченко И., Саница В., Евразийский союз: вызов для Евросоюза и государств «Восточного партнерства». Центр восточноевропейских исследований Вильнюс. 2012. 61 с. [с. 5].
2. Буянов В. Последний геополитический союзник на Западе // Вестник аналитики. 2008. № 4 (34). 141 с.
3. Буторина О.В. Интеграция в стиле фанк // Россия в глобальной политике. № 5. 2007. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/integracziya-v-stile-fank/>
4. Европа в глобальной пересборке [монография] / Институт Европы РАН; отв. ред. Ал.А. Громько. – М.: Издательство «Весь Мир», Институт Европы РАН, 2023, с. 12.
5. Европа в кризисном мире: [Коллективная монография] / [Ал.А. Громько и др.; отв. ред. Ал.А. Громько]; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук. – М.: ИЕ РАН: Издательство «Весь Мир», 2022. – 376 с. DOI 10.55604/9785777708953.
6. Малышев Д.В. Союзное государство после двадцатилетнего юбилея // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 5. С. 106-116;
7. Международная научная конференция «10 лет Содружества независимых государств: иллюзии, разочарования, надежды». – М.: ИМЭПИ РАН, 2001, с. 54.
8. Межевич Н.М. Беларусь: трансформация и модернизация. Итоги постсоветского развития / Н.М. Межевич, В.В. Шимов. – М.: Ин-т Европы РАН, 2024. – 124 с. – (Доклады Института Европы Еуроге / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук; № 409).
9. Пылин А.Г. Трансформация постсоветской евразийской интеграции в условиях санкций // Вестник Института экономики Российской академии наук №6. 2022. С. 127-141.
10. Рогов С.М. Изоляция от интеграции // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991-2002: Хрестоматия: В 4 т. // МГИМО МИД России, Рос. ассоц. междунар. исслед., АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование.)»; Редкол.: А.В. Торкунов (пред.) и др.; Сост. Т.А. Шаклеина. – М.: РОССПЭН, 2002. – Т. 1, с. 270.
11. Российско-белорусские отношения в 2022 г.: союзные программы, новые вызовы и направления интеграции: Аналитический доклад. – М.: Ассоциация внешнеполитических исследований имени А.А. Громько, Институт Европы РАН. – 2022.

12. Ушкалова Д.И. Проблемы и перспективы экономической интеграции России и Белоруссии: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.14 / Ушкалова Дарья Игоревна; [Место защиты: Ин-т экономики РАН]. – М., 2008. – 27 с.
13. Ин Castells M. Technopoles of the World. The Making of 21st Century Industrial Complexes, London: Routledge. 1994, 288 p. [p. 3]. DOI: 10.4324/9781315832203.
14. Gerbert, P. La construction de l'Europe, 3-eme ed., Paris: Imprimerie nationale, 1999, 488 p.
15. Sapir, J. Is Eurozone accumulating a historic lag toward Asia in the COVID-19 context? / J. Sapir // Journal of the New Economic Association. – 2021. – No. 1(49). – P. 192-203. – DOI 10.31737/2221-2264-2021-49-1-8.
16. Shannon K. O'Neil. The Globalization Myth. Yale University Press. 2022. 240 p. [p. 23].
17. Strauss-Kahn, D. La flamme et la cendre, Paris: Grasset. 2002. 498 p.

Bibliographic list

1. Alishauskas R., Vilpishauskas R., Dambrauskaite J., Kasciunas L., Kirile V., Levchenko I., Sinitsa V., The Eurasian Union: a challenge for the European Union and the states of the Eastern Partnership. Center for Eastern European Studies Vilnius. 2012. 61 p. [p. 5].
2. Buyanov V. The last geopolitical ally in the West // Bulletin of Analytics. 2008. No. 4 (34). 141 p.
3. Butorina O.V. Integration in the funk style // Russia in global politics. № 5. 2007. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/integracziya-v-stile-fank/>
4. Europe in the global reassembly [monograph] / Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences; ed. Al.A. Gromyko. M.: Publishing House "The Whole World", Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, 2023, p. 12.
5. Europe in a crisis world: [Collective monograph] / [Al.A. Gromyko et al.; ed. by Al.A. Gromyko]; Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. – M.: IE RAS: Publishing House "The Whole World", 2022. – 376 p. DOI 10.55604/9785777708953.
6. Malyshev D.V. The Union State after the twentieth anniversary // The world economy and international relations. 2024. Vol. 68. No. 5. pp. 106-116;
7. International Scientific Conference "10 years of the Commonwealth of Independent States: illusions, disappointments, hopes". IMEPI RAS, M. 2001, p. 54.
8. Mezhevich N.M. Belarus: transformation and modernization. Results of post-Soviet development / N.M. Mezhevich, V.V. Shimov. – M.: Institute of Europe of the

- Russian Academy of Sciences, 2024. – 124 p. – (Reports of the Institute of Europe Europe / Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences; No. 409).
9. Pylin A.G. Transformation of the post-Soviet Eurasian integration under sanctions // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences No.6. 2022. C. 127-141.
  10. Rogov S.M. Isolation from integration // Foreign Policy and Security of modern Russia, 1991-2002: A textbook: In 4 volumes // MGIMO Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Assoc. international. research, ANO "INO-Center (Information. Science. Education.)"; Editorial board: A.V. Torkunov (pred.) and others; Comp. T.A. Shakleina. – M.: ROSSPEN, 2002. – Vol. 1, p. 270.
  11. Russian-Belarusian relations in 2022: union programs, new challenges and directions of integration: Analytical report. – M.: A.A. Gromyko Association for Foreign Policy Studies, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. – 2022.
  12. Ushkalova D.I. Problems and prospects of economic integration of Russia and Belarus: abstract of the dissertation of the Candidate of Economic Sciences: 08.00.14 / Daria Igorevna Ushkalova; [Place of defense: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. – Moscow, 2008. – 27 p.
  13. In Castells M. Technopoles of the World. The Making of 21st Century Industrial Complexes, London: Routledge. 1994, 288 p. [p. 3]. DOI: 10.4324/9781315832203.
  14. Gerbert, P. La construction de l'Europe, 3-eme ed., Paris: Imprimerie nationale, 1999, 488 p.
  15. Sapir, J. Is Eurozone accumulating a historic lag toward Asia in the COVID-19 context? / J. Sapir // Journal of the New Economic Association. – 2021. – No. 1(49). – P. 192-203. – DOI 10.31737/2221-2264-2021-49-1-8.
  16. Shannon K. O'Neil. The Globalization Myth. Yale University Press. 2022. 240 p. [p. 23].
  17. Strauss-Kahn, D. La flamme et la cendre, Paris: Grasset. 2002. 498 p.